

Хотя на дворе была осень, она всё ещё носила зелёное платье с меховой оторочкой, и, когда держала форму, обнажила запястье, отчего стоявший рядом Чэнь Сы покраснел.

Чуньтао подошла, бросив на Е Чанлина полный упрёка взгляд, но, к сожалению, он был слишком занят вознёй с остатками угольной пыли после жарки и совсем не заметил её.

Чэнь Сы вызвался помочь Чуньтао продемонстрировать Сун Цзиньфу процесс изготовления угольных брикетов.

Сжигание добытого угля в чистом виде часто оказывалось неэффективным, не только расточительным, но и вредным для окружающей среды. Превращение угля в брикеты позволяло сжигать его более полно.

Сам процесс изготовления был прост: угольные куски разбивали в пыль, смешивали с жёлтой глиной в пропорции один к пяти, разбавляли водой и прессовали в формы, после чего сушили на солнце. Хотя шаги были несложными, работа требовала физических усилий.

Именно поэтому Е Чанлин сам не взялся за это, доверив задачу Чэнь Сы и другим.

Когда Чэнь Сы и Чуньтао оказались покрыты угольной пылью с головы до ног, свежесформованные брикеты выложили на солнце для просушки.

— Молодой господин, это... — Сун Цзиньфу, наконец, понял предназначение угольных брикетов, но колебался. Ведь из-за влияния пятого князя цена на уголь была низкой, и прибыль от таких брикетов казалась незначительной.

— Хоть шёлк за восемьдесят лянов за рулон приносит больше дохода, его покупают немногие, — Е Чанлин понимал опасения Сун Цзиньфу. — Но взгляни на весь мир: сколько людей нуждаются в этом? У меня есть письмо, которое ты передашь на угольный рудник к западу от столицы, и там с тобой свяжутся. Прибыль может быть небольшой, но зато объёмы огромны. Сун Цзиньфу, ты хочешь остаться обычным торговцем или хочешь вести дела по всей стране?

Слова Е Чанлина о «делах по всей стране» оказались настолько заманчивыми, что Сун Цзиньфу поддался на уговоры. Взяв форму для брикетов и письмо, он с радостью удалился.

— Ещё одно доброе дело для страны и народа, — нарочито вздохнул Е Чанлин, но Система молчала. С тех пор, как очки обаяния снизились на единицу, она словно замолчала, и Е Чанлин даже почувствовал лёгкую тоску.

Мэйсян, стоявшая за спиной Е Чанлина, не понимала, о чём говорил молодой господин, но всё равно кивнула в знак согласия.

Для неё всё, что говорил и делал господин, было правильным. Она всегда следовала его

указаниям.

Мэйсян украдкой достала маленький мешочек и вытащила оттуда кусочек бисквита, который положила в рот.

Хотя в последнее время еда становилась всё более разнообразной, её любимым лакомством оставался мягкий и сытный бисквит.

— Мэйсян, ты, кажется, немного поправилась? — Е Чанлин, собравшись вернуться в комнату, вдруг заметил, как Мэйсян, словно маленький хомячок, тайком ела сладости. Он рассмеялся, ведь из-за постоянного общения раньше не замечал, но теперь увидел, что Мэйсян изменилась с тех пор, как он оказался в этом мире.

Услышав вопрос, Чэнь Сы едва не заплакал.

Наконец-то господин заметил!

Нелегко это далось. Чэнь Сы взглянул на Мэйсян с выражением, полным недоумения.

Это не просто «немного». Она заметно округлилась.

Мэйсян, когда-то считавшаяся красавицей в поместье, теперь напоминала шарик.

Чэнь Сы почувствовал лёгкую боль в сердце.

Ведь он когда-то мечтал, что, если угодит господину, тот подарит ему Мэйсян.

— А? — Мэйсян, услышав слова Е Чанлина, замерла, быстро проглотив бисквит и вытерев рот.
— Господин, правда? На днях тётушка Чжан хвалила меня, говорила, что я становлюсь всё краше, и даже хотела...

Мэйсян покраснела.

— Хотела что? — Е Чанлин повысил голос.

— Хотела, чтобы я стала женой её внука, — прошептала Мэйсян, её лицо залилось румянцем.

Женой внука? Чэнь Сы замер. Он снова взглянул на Мэйсян.

Она поправилась, значит, сможет родить детей.

Но он знал внука тётушки Чжан. Тот, пользуясь тем, что его бабушка была приближённой старой госпожи, вёл себя высокомерно.

А тот парень, хоть и выглядел прилично, был мастером сладких речей и часто очаровывал служанок в усадьбе. Говорят, даже самая уважаемая служанка старой госпожи была к нему равнодушна. Если говорить честно, этот брак...

— Жаба, мечтающая о лебеде! — выругался Е Чанлин.

Чэнь Сы: ...

Чэнь Сы: ??

Чэнь Сы: Господин, что-то тут не так.

— Кто этот недостойный, чтобы мечтать о моей сестре? — холодно усмехнулся Е Чанлин.

Его чувства были похожи на те, что испытывает чрезмерно любящий отец или старший брат. Для него его ребёнок, каким бы он ни был, всегда оставался прекрасным, а Мэйсян была ещё так молода — всего тринадцать лет.

В его мире в этом возрасте дети только начинали учиться в средней школе, а эта старуха уже строила такие планы.

— Если они ещё раз появятся, выгоните их вон, — холодно приказал Е Чанлин.

— Слушаюсь, — сразу ответили служанки и Чэнь Сы.

— Если подобное повторится, сразу сообщай мне, — строго сказал Е Чанлин, обращаясь к Мэйсян.

Заметить несовершеннолетнюю — это уже повод сломать ноги.

Мэйсян кивнула.

Е Чанлин вернулся в комнату, оставив во дворе недоумевающих людей.

Что-то здесь было не так. Чэнь Сы был в полном замешательстве.

...

Из-за ранений наследного принца и пятого князя празднование дня рождения императора прошло скромно. После осенней охоты и праздника погода окончательно похолодала, и наступила зима.

В тёплом павильоне дворца Цяньцин император Юнцзя только что созвал трёх членов Кабинета министров для обсуждения мер по борьбе с зимними бедствиями.

Даже без доклада астрономов по нынешней температуре можно было догадаться, что год будет снежным.

И действительно, Великая Нин переживала малый ледниковый период. Засухи, наводнения, нашествия саранчи и снежные бури обрушились на страну, подтачивая основы огромной, но постепенно разлагающейся империи.

И это было только начало.

Трое министров также ознакомились с докладом астрономов.

Все они выглядели озабоченными.

Великая Нин находилась на грани краха.

В последние годы в разных частях страны происходили засухи и наводнения, а зимой бедняки не могли позволить себе тёплую одежду, а в некоторых местах даже не хватало одежды, чтобы прикрыть тело.

Эти истории доходили даже до императора Юнцзя, который сидел на своём троне в столице.

— Я правил восемнадцать лет, старался быть трудолюбивым и любил свой народ как своих детей. Почему же Небо наказывает меня и мой народ? — император Юнцзя был готов издать указ о покаянии.

— Ваше Величество, не печальтесь, — сразу же вмешался главный секретарь Чжан Тайчу. Ещё при жизни деда Е Чанлина, Ян Ляньвэня, он был заместителем министра, и за долгие годы службы между ним и императором сложились тёплые отношения. Видя, как император горюет, он поспешил утешить его.

Остальные два министра переглянулись. Они поддерживали идею императора издать указ о покаянии.

В конце концов, император должен время от времени каяться, чтобы подчеркнуть мудрость своих советников. Если бы, как в прошлые времена, император единолично держал власть, а

министры боялись высказываться, то их бы назвали «бумажными министрами».

Это был урок.

В их возрасте и положении самое важное — это посмертная слава, записи в истории и посмертные титулы.

Титул «Вэньчжэн», который получил покойный Ян Ляньвэнь, был прекрасным примером.

Именно поэтому чиновники, особенно пожилые, поддерживали наследного принца Чу Чэньси.

Не только потому, что он был старшим сыном и законным наследником, но и потому, что он с детства был начитан, скромн и добр — идеальный наследник в глазах всех.

С таким наследником на троне их посмертные титулы были бы в безопасности.

Если же на трон взойдёт безумец Чу Чэньяо, он может дать им зловещие титулы, и тогда плакать будет некому.

Но хотя министры могли рассчитывать на посмертные титулы, другие чиновники боялись, что Чу Чэньяо вообще лишит их этой чести.

— Чжан, составь указ и передай его в Министерство финансов, — прошлый год принёс голод и смерть многим в префектурах Шуньтянь и Интянь, и, несмотря на утешения министров, настроение императора оставалось мрачным.

Это было доказательством того, что император Юнцзя был хорошим правителем.

За восемнадцать лет правления, помимо обычных расходов на ремонт, он не облагал народ тяжёлыми налогами для строительства дворцов, несколько раз снижал налоги и даже выделял средства из своей казны для помощи пострадавшим, лично сокращая расходы дворца.

Но в этот момент Чу Чэньси, чья нога только начала заживать, и которого император вызвал во дворец, сидя в углу, улыбнулся.

— Отец и министры, не стоит так беспокоиться, — прямо заявил Чу Чэньси.

<http://bllate.org/book/15199/1341718>